

Марина
СЕРОВА

*СВЕТ КЛИНОМ
СОШЕЛСЯ*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Свет клином сошелся

«ЭКСМО»

2013

Серова М. С.

Свет клином сошелся / М. С. Серова — «Эксмо», 2013 — (Мисс Робин Гуд)

ISBN 978-5-699-68020-7

Такого еще ни разу не было в частной практике Полины Казаковой, которую все в городе знают как Мисс Робин Гуд. В жестоком преступлении – доведении до самоубийства – обвиняют ее родного и горячо любимого дедушку Аристарха. Бывший одноклассник Полины Антон Ярцев считает: именно Аристарх Владиленович имеет отношение к смерти отца его невесты. Иван Иванович Булатов повесился в своем служебном кабинете, оставив скомканную бумажку с недописанным текстом: «В моей смерти прошу винить Арист...» Многие решили: речь идет о дедушке Полины. Мисс Робин Гуд впервые не знает, что делать. Не мстить же своему единственному родственнику?

ISBN 978-5-699-68020-7

© Серова М. С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

Свет клином сошелся

Глава 1

Когда я выходила утром из дома, я даже не могла представить, что не захочу туда возвращаться. Я нарезала на своем «Мини-Купере» круги по городу, не зная не только куда мне податься, но и как вообще жить дальше. Все изменила одна случайная встреча. Несколько часов назад я столкнулась на улице с бывшим одноклассником Антоном Ярцевым. Вместо приветствия он одарил меня уничтожающим взглядом и уже хотел пройти мимо, но я остановила его, спросив:

– Антон, что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Мне показалось или у тебя ко мне какие-то претензии? – спросила я.

– Ну какие у меня могут быть претензии к бывшей однокласснице? Ты сама по себе, я сам по себе. – В словах Ярцева был явный вызов. – Кстати, как там твой дед поживает?

– Спасибо, все нормально.

– Нормально... Ну, конечно, что будет этому старому катале? – зло усмехнулся Антон, и, скосив глаза на пакеты у меня в руках, добавил: – Я смотрю, ты по магазинам бегала. Горячо любимый дедуля денюжат на шопинг подкинул? Ну-ну...

– Антон, что все это значит? – потребовала я объяснений.

– Ты действительно хочешь это знать? – Ярцев прищурился. – Я могу тебе кое-что рассказать. Только вряд ли тебе, Казакова, это понравится...

– Мне уже не нравится твое поведение, но я тебя выслушаю, потому что хочу знать, с чего это вдруг ты так ополчился на меня и Аришу.

– Аришу, – ядовито усмехнувшись, повторил он. – Уж больно неподходящую кличку ты придумала для своего деда.

– Это не кличка, – я еле сдержала себя от прилюдного проявления высшей степени своего негодования, – а уменьшительно-ласкательная производная от имени Аристарх.

– Вот-вот, – многозначительно кивнул Ярцев, – Аристарх... В этом-то все и дело.

– Все, Антон, мне надоели твои загадки! Либо ты прямо сейчас выкладываешь, какие у тебя претензии ко мне и к моему деду, либо я...

– Что – ты? – грубо оборвал меня однокашник.

– Буду считать тебя... жалким ничтожеством, который пытается компенсировать свои профессиональные неудачи необоснованными нападками на окружающих, – выпалила я, наплевав на всякую дипломатию.

– Это я-то жалкое ничтожество? – вскипел Ярцев и стал стрелять в меня словами, как патронами: – Интересно, а кто тогда ты, Казакова? Удачливым юристом тебя уж точно не назовешь. Согласись, светоч юриспруденции из тебя не вышел... Ах, да, ты мнишь себя этакой защитницей униженных и оскорбленных. Интересно, что ты будешь делать, когда узнаешь правду о своем обожаемом Арише, мисс Робин Гуд?

– Хватит сотрясать воздух пустыми словами! Если тебе есть что сказать по существу, говори! – потребовала я, едва сдержавшись от того, чтобы не дать Ярцеву пощечину.

– Ну не здесь же! – Антон просканировал взглядом окружающее пространство. – Пойдем вон в то кафе!

– Пойдем, – не раздумывая согласилась я и поспешила за своим однокашником, быстрой походкой направившимся к «Подсолнуху».

Для обеда было уже поздно, а для ужина – еще рано, поэтому посетителей в кафе не наблюдалось. Мы устроились за столиком у окна, сразу же заказали по чашке кофе и стали гипнотизировать друг друга взглядами. Я ждала от Антона немедленных объяснений, но он почему-то не спешил с ними, вероятно, обдумывая, с чего начать.

– Ну и?.. – поторопила я.

– Две недели назад повесился отец моей девушки, – глухо проговорил Антон.

– Прими мои соболезнования, – отозвалась я, еще не понимая, к чему он клонит.

– Он оставил предсмертную записку, из которой следует, что в петлю его подтолкнул... твой дед.

– Что?! – крикнула я, заставив оглянуться на наш столик двух официанток и бармена. Пришлось понизить тон: – Там что, так и было написано: «Казаков Аристарх Владиленович»?

– Почти, – подтвердил мой одноклассник. – Только имя, а оно у твоего деда весьма редкое. Кроме того, мне удалось выяснить, что они, я имею в виду Никиного отца и твоего деда, пересекались, причем не единожды. Догадываешься, где?

К нам подошла официантка, поставила на стол две чашки эспresso и поспешила сразу же удалиться, вероятно, почувствовав напряженность в наших отношениях.

– Допустим, Ариша был знаком с... этим, ну как его там?.. Ты, кажется, так и не назвал имя и фамилию человека, решившегося на суицид?

– Булатов Иван Иванович. – Ярцев сделал глоток кофе.

– Никогда не слышала от деда это имя. В круг его близких друзей он точно не входил, – заметила я, уверенная в том, что Антон ошибся со своими умозаключениями.

– Я допускаю, что ты никогда не слышала об этом человеке. Зачем старику рассказывать тебе о том, кого он хладнокровно обыграл до последней нитки? – Ярцев испытующе уставился на меня.

После этих слов моя уверенность в невиновности деда заметно поубавилась. Сколько я знала своего прародителя, он всегда играл в карты: и тогда, когда понятия «игорный бизнес» в нашей стране в принципе не было, и, разумеется, тогда, когда легально существовали казино, и даже теперь, когда на азартные игры был наложен строжайший запрет. Карты являлись для него не просто источником дохода, но и образом жизни. Теоретически то, о чем говорил Ярцев, могло быть правдой. Я слышала от деда, что иногда игроки кончали жизнь самоубийством, потому что не могли расплатиться с карточными долгами. Но я отказывалась верить, что мой Ариша вынудил кого-то пойти на столь крайние меры. Последние две недели дедуля вел себя, как обычно.

– Антон, мне кажется, ты заблуждаешься. Прежде чем делать такие заявления, надо было все досконально проверить.

– А я и проверил. Я был на улице Конева, в подпольном казино, которое посещал Иван Иваныч, и навел там кое-какие справки. Мне подтвердили, что Аристарх Казаков выиграл у Ивана Булатова очень крупную сумму. Потом записка... Надеюсь, ты понимаешь, что люди перед смертью не врут. Никин отец винил в своей смерти именно Аристарха... – Ярцев запнулся.

– Странно, а почему моего деда до сих пор не вызвали в полицию? – удивилась я.

– Могли бы, но я уговорил Нику, а она, в свою очередь, свою маму, Веру Николаевну, не показывать предсмертную записку следователю. Только благодарить меня за это не надо. Я вообще не собирался ничего тебе об этом рассказывать. Но ты, Полина, сама настояла на этом, так что пеняй теперь на себя. Тебе с этим жить дальше. Окажись на месте твоего деда посторонний человек, ты наверняка бросилась бы его наказывать. Но я уверен, ты ничего не предпримешь против своего Ариши, – Антон произнес имя моего деда с явным пренебрежением. Затем, скосив глаза на пакеты, стоящие на соседнем от меня стуле, добавил: – Уж не знаю,

будешь ли ты теперь с удовольствием носить яркие тряпки, которые ты накупила на булатовские деньги, а Ника и ее мама не снимают траурных одежд.

– Антон, я... – Мне не удалось закончить свою фразу, потому что Ярцев меня перебил.

– Мы заявление в загс собирались подать, но Булатовым сейчас не до свадьбы. Собственно, это все, что я могу тебе сказать. – Ярцев допил кофе, небрежно бросил на стол сотку и вышел из кафе, не попрощавшись со мной.

Я была настолько ошарашена услышанным, что в упор не замечала нарисовавшуюся около меня официантку.

– Вы еще что-нибудь заказывать будете? – спросила она, наклонившись буквально к моему лицу.

– Нет, спасибо. – Я встала и пошла к выходу.

– Вещи! Вы забыли свои вещи! – крикнула мне вслед официантка. Я остановилась, оглянулась, но возвращаться за оставленными пакетами не спешила. Мысль о том, что сегодняшние покупки сделаны на деньги, которые мой дед выиграл у Булатова, ввела меня в ступор. Девушка взяла со стула пакеты и всучила мне их со словами: – Вот, возьмите, пожалуйста.

– Спасибо. – Я вышла на улицу и машинально побрела по улице в сторону центра.

Дойдя до перекрестка, я вдруг поняла, что отдаляюсь от своего «Мини-Купера», который стоял на парковке около торгового центра «Юпитер». Загорелся зеленый свет, пешеходы стали переходить дорогу, я же развернулась и побрела обратно. Дойдя до своей машины, я бросила пакеты в багажник, села за руль и поняла, что мне некуда ехать – возвращаться домой не хотелось. А если честно, то я даже боялась туда вернуться. Меня пугало, что дед подтвердит слова Ярцева.

Мне никогда не нравилось Аришино увлечение. Я не раз просила его бросить это занятие, но он даже не пытался давать мне пустые обещания. Дед упрямо говорил, что именно игральные карты, а не оловянные солдатики или деревянные лошадки, были его первыми игрушками, он не изменял им на протяжении всей своей жизни и даже просил похоронить его с новенькой колодой карт в кармане ритуального смокинга. Осознав, что переделать Аришу невозможно, я попыталась изменить свое отношение к его увлечению. В конце концов, дед играл не с детьми, у которых еще не окрепла психика, а со взрослыми вполне состоявшимися людьми, которые, садясь за стол, отдавали себе отчет в том, что могут проиграть, причем проиграть много, порой очень много. Я взяла за правило отдавать часть выигранных Аришей денег на благотворительность или тратила их на благое дело восстановления справедливости.

Антон неспроста назвал меня мисс Робин Гуд. С некоторых пор по примеру этого героя средневековых английских баллад, я отстаивала интересы тех, кого не смог защитить закон. Если бы Ярцев не уговорил дочь Ивана Ивановича утаить от следствия предсмертную записку, то моего деда могли бы привлечь к уголовной ответственности за доведение до самоубийства. Семья Булатовых имела бы законное право еще и счет моему единственному родственнику выставить за моральный и материальный ущерб. Но мой бывший одноклассник помешал им это осуществить, сделав меня заложницей собственных принципов. Он прекрасно знал, что я не могла пройти мимо несправедливости, но и мстить своему деду, который один растил меня с четырнадцати лет, тоже была не в состоянии. Я попала в тиски, которые сжимали мою голову, разрывая мозг от неразрешимых вопросов, сдавливали грудь, выворачивая душу наизнанку. Как жить дальше под одной крышей с дедом, если он виновен в смерти хорошего человека? Что делать с вещами, которые я покупала на деньги, выигранные Аришей в карты? Порвать и выбросить в мусорку? Или развести рядом с домом большой костер и спалить там едва ли не все свои платья, юбки и блузки?

Я невольно вспомнила про ванну с золочеными ножками в виде львиных лап, которую дед установил в своей ванной комнате. Это было чуть больше двух недель назад. Он вернулся домой с большим выигрышем, а на следующий день заказал по каталогу эту ванну. Конечно,

старый «чугун» давно надо было менять, и я несколько раз предлагала ему различные варианты «акрила», но Ариша колебался. Оказывается, он вынашивал в душе совсем другие планы. Аристократическая купальня потребовала полной перепланировки его ванной комнаты. Потом и мне захотелось сделать ремонт на своей территории. Сейчас он шел полным ходом, поэтому я была вынуждена переехать в гостевую комнату. Желания продолжать ремонт уже не было. В один момент он стал для меня неприятной реальностью...

Дом, в котором мы с Аришей прожили без малого пятнадцать лет и в котором я прежде любила каждый уголок, превратился в моем сознании в склад дорогих, но не так уж нужных вещей, купленных на грязные деньги. Меня перестало туда тянуть, но другого дома у меня не было, поэтому я колесила по городу, не зная, куда податься. На душе стало еще паршивее, когда я подумала о том, что «Мини-Купер», за рулем которого я сидела, тоже был приобретен отчасти на Аришины деньги. Моей зарплаты юрисконсульта кирпичного завода не хватало на то, чтобы приобрести машину моей мечты. Дедуля великодушно добавил к моим сбережениям крупную сумму, и я стала счастливой обладательницей единственного в нашей городе «Мини-Купера». На тот момент – единственного. И я была на тот момент абсолютно счастливой. Сейчас в Горовске появились еще два автомобиля той же модели, правда, другого цвета. А счастье оказалось каким-то призрачным. Да и что такое счастье? Наверное, это состояние полного душевного равновесия. До встречи с Ярцевым я его испытывала, но Антон легко смог его пошатнуть...

Чисто инстинктивно я заехала во двор дома, в котором жила моя лучшая подруга Алина Нечаева. Рядом с ее парадной стоял «Фиат Пунто» синего цвета. Это авто принадлежало ее новому бойфренду. Как же я забыла, что он должен был вернуться сегодня утром из командировки! Я развернулась и выехала со двора – Нечаевой сейчас явно было не до меня. Наматыв еще несколько километров по центральной части города, я достала из сумки мобильник и набрала номер.

– Аллю! – ответил хорошо знакомый голос.

– Женя, можно я к тебе сейчас приеду? – спросила я без всяких приветствий и пространственных объяснений.

Крючков, застигнутый врасплох моим вопросом, сделал небольшую паузу, после чего произнес:

– Конечно. Если не трудно, купи пачку чая, желательно черного.

– Хорошо. – Отключив связь, я бросила мобильник обратно в сумку и поехала в сторону железнодорожного вокзала, рядом с которым жил Евгений.

* * *

Когда я подошла к Женькиной парадной, из нее выскочила девушка лет двадцати двух – двадцати трех со слезами на глазах. Она оставила дверь открытой, поэтому я не стала пользоваться домофоном, а поднялась на нужный этаж и позвонила в квартиру. Крючков сразу же открыл мне.

– Ты так быстро? – удивился он. – Но что же ты стоишь? Проходи. У тебя что-то случилось?

Я не спешила сразу же вываливать на Крючкова свои проблемы.

– Вот, – я протянула ему пачку чая, купленную в магазине, расположенном в соседнем доме. – Подойдет?

– Сгодится, – кивнул Женька. – Я как раз ужинать собирался. Составишь мне компанию?

– Чисто символически. У меня совершенно нет аппетита.

– А я чертовски голоден! – Женька направился в кухню, я последовала за ним. – Поля, у тебя был такой голос по телефону...

– Какой?

– Мне показалось, что ты попала в безвыходную ситуацию. Я прав? – уточнил Евгений, глядя мне в глаза. Я кивнула, подтверждая его догадку. – А знаешь, Полина, меня это ничуть не удивляет! Путь, который ты выбрала, рано или поздно должен был привести тебя в тупик.

– Ты говоришь так, будто рад этому, – я отстранилась от Женьки. – Зря я к тебе пришла...

– Не зря. Я постараюсь тебе помочь. Давай, рассказывай, что же все-таки случилось.

– Я только что узнала, что один человек повесился из-за того, что мой дед обыграл его в карты...

– Так. – Евгений усадил меня за стол, потом расположился напротив меня. – Откуда тебе это известно?

– Я встретила Антошку Ярцева, моего бывшего одноклассника. – Я передала Крючкову практически слово в слово все, о чем поведал мне Ярцев, а потом стала изливать ему свою душу: – Женья, я понимаю, что карты – это зло, но Ариша мой единственный родственник. Он всегда баловал меня... И что же теперь? По идее, мне надо закрыть глаза на то, что произошло, но я не могу вернуться домой и общаться дальше с Аришей как ни в чем не бывало, не могу смотреть на вещи, которые куплены на его выигрыши...

– Да, ситуация непростая, – Женька положил свою руку на мою ладонь. – С твоим обостренным чувством справедливости действительно будет нелегко забыть эту историю... Полина, а вдруг Аристарх Владиленович не причастен к самоубийству Булатова?

– Но тот же оставил записку, – напомнила я.

– Ты ее видела? – уточнил Крючков.

– Нет, но Ярцев сказал, что в ней было написано буквально следующее: «В моей смерти прошу винить Аристарха»...

– Мало ли какого Аристарха он имел в виду?

– Женья, я понимаю, что ты хочешь меня успокоить, но, скорее всего, несостоявшийся Антошкин тесть имел в виду именно моего деда. Ярцев выяснил, что и мой Ариша, и Иван Иванович бывали в одном подпольном казино. Две-три недели назад дед вернулся домой с солидным выигрышем. Так что, вполне вероятно, что именно он обыграл Булатова в пух и прах.

– Полина, а вдруг это подстава? – удивил меня своим вопросом Крючков.

– В смысле?

– Вдруг кому-нибудь понадобилось поссорить тебя с дедом? – предположил Крючков. – Например, кому-нибудь из тех, кому ты отомстила в духе Робин Гуда.

– Не знаю, я в этом направлении не думала.

– А ты подумай! А я пока накрою на стол.

Я стала мысленно прокручивать все мои мстительные операции. Начала я, естественно, с самой первой, когда решила призвать к ответу бывшего прокурора города, в пьяном виде сбившего автомобиль, в котором ехали мои родители. Это случилось около пятнадцати лет назад. Тогда Синдяков не только не был наказан, но и умудрился взыскать с моего деда ущерб, причиненный его новенькой иномарке. Трагедия произошла на моих глазах, и я, будучи наивным подростком, не могла понять, как такое возможно. Только повзрослев, получив юридическое образование и некоторый опыт работы по специальности, я поняла, что подобное происходит сплошь и рядом – закон чаще всего защищает тех, у кого есть деньги и власть. Я была твердо убеждена, что так быть не должно, поэтому встала на сторону «униженных и оскорбленных». Но для начала я наказала убийцу моих родителей. В результате моих усилий он стал неизлечимым пациентом психбольницы. В числе тех, кого я призвала к ответу за безнаказанные злодеяния, были самые разные люди: генеральный директор кирпичного завода, владелица кадрового агентства, главврач клиники пластической хирургии, директор страховой компании, адвокат, нотариус и даже сантехник. Кстати, последний из этого далеко не полного списка был убийцей, которого суд присяжных оправдал благодаря стараниям адвоката Крюčkова. Женька добросо-

вестно заблуждался насчет своего подзащитного и только через несколько лет, встретив его в областном центре, понял, что совершил профессиональную ошибку. И я, по настоятельной просьбе Евгения, помогла ее исправить. Всякий раз, занимаясь благим делом восстановления справедливости, я старалась найти слабые места своих оппонентов, чтобы потом ударить по ним. Так, может, Крючков прав, утверждая, что кто-то решил нанести удар по моей болевой точке? Кто-то из тех, кому я перешла дорогу...

– Многие имеют на меня зуб, – признала я. – Спасибо, что открыл мне на это глаза. Знаешь, я, пожалуй, поеду домой и поговорю с Аришей. Я не успокоюсь, пока не сделаю этого.

– Нет, я тебя не отпущу, – воспротивился Женька. – Ты сейчас слишком возбуждена, а потому тебе противопоказано садиться за руль. С дедом, конечно, надо поговорить, но завтра, когда эмоции более или менее улягутся. С этой новостью, как говорится, надо переспать.

– То есть ты предлагаешь мне остаться у тебя?

– Ну, разумеется, – Крючков поставил на стол початую бутылку коньяка. – Для начала предлагаю выпить, чтобы расслабиться. Если не трудно, достань рюмочки. Они в шкафу, у тебя за спиной.

– Сейчас. – Я встала, открыла дверку и первое, что увидела, – пачку с надписью на английском языке: «Tea». У Женьки был чай, но он послал меня за ним в магазин. Зачем? В следующую секунду я вспомнила заплаканное лицо девушки, выбегающей из парадной. Неужели Крючков озвучил первую пришедшую ему на ум просьбу, чтобы как-то задержать меня, а затем стал спешно спрашивать свою юную гостью?

– Нашла рюмки? – спросил Евгений.

Я попыталась прогнать догадку, пришедшую мне в голову, но она упорствовала.

– Нашла. – Я достала открытую пачку чая и бросила ее на стол, внимательно наблюдая за реакцией хозяина этой квартиры.

– Так вот он где! – Женька искренне обрадовался моей находке. – Ведь помнил же, что чай должен быть, но на месте его почему-то не оказалось. – А где рюмки?

Мне не хотелось опускаться до банальнейшей сцены ревности, поэтому я молча достала две рюмочки и поставила их на стол. В голове же прочно засел вопрос: «Так, может, та девица и переложила пачку чая, когда хозяйничала на этой кухне?» Ведь кто-то же нажарил котлет. По идее, мне надо было радоваться, что Женька предпочел провести время со мной, а не с той, другой, но я испытывала совсем другие эмоции.

– Ты извини, – сказала я, выйдя из-за стола, – я все же поеду домой.

– Полина, не уходи. – Мой институтский приятель попытался меня задержать, но я все равно ушла.

И моя ревность была тут совсем ни при чем. Просто я почувствовала, что должна немедленно поговорить с Аришей.

* * *

– Полетт, ты где это пропадала? – спросил дед, встретив меня в прихожей. – Я долго не решался сесть ужинать без тебя, а потом не выдержал и разогрел себе остатки вчерашнего плова. Простишь меня?

– За плов – прощу, – холодно ответила я и стала подниматься по лестнице на второй этаж. Открыв по привычке дверь в свою комнату, я увидела там строительный бардак, закрыла ее и шагнула к гостевой комнате.

– Полетт, у рабочих случился какой-то форс-мажор, поэтому они не смогли сегодня приехать к нам, – раздалось за моей спиной. – Отзвонился их бригадир, извинился и пообещал, что завтра все войдет в нормальный график. Полетт, что-то случилось?

– Случилось, – ответила я, не оборачиваясь. – Нам предстоит очень серьезный разговор. Я сейчас переоденусь и спущусь вниз. Подожди меня в кантри-зале.

– Ты сегодня такая загадочная, – произнес дед, похоже, даже не подозревая, о чем пойдет речь.

Я знала, что разговор будет непростым, но даже не думала насколько. Перебрав в уме несколько вариантов, я решила, что не стоит долго мучить Аришу длинными предисловиями. Переступив порог гостиной, выполненной в уютном стиле кантри, я буквально с порога спросила:

– Дед, а сколько ты выиграл у Булатова?

– У кого? – уточнил Ариша. – Прости, я не расслышал.

– У Булатова Ивана Ивановича, – четко повторила я, усаживаясь напротив своего пра-родителя. – Только не говори, что ты не знаешь этого человека.

– Но я действительно его не знаю. Полетт, может быть, ты потрудишься объяснить, чем вызван этот допрос? – Дед заерзал в кресле.

– Две недели назад этот человек... повесился. Из-за карточного долга. Что скажешь на это?

– Повесился из-за карточного долга? – переспросил Ариша, явно давая себе время на размышления. – Такое, к сожалению, бывает. Но только при чем здесь я? Разве я один играю в Горовске в карты?

– Не один. Но разве среди тех, кто посещает подпольное казино на улице Конева, есть кто-то еще по имени Аристарх?

– Нет. За всю свою долгую жизнь я только один раз встретился со своим тезкой, да и то это было в другом городе.

– Значит, Булатов написал в своей предсмертной записке именно про тебя. А ты пытаешься доказать мне, что не был с ним знаком.

– Видишь ли, Полетт, – Ариша начал нервно теребить бородку, – с тех пор, как азартные игры попали под запрет, люди стараются не афишировать свои имена и регалии. Так что, садясь за карточный стол, я зачастую не знаю фамилии своих оппонентов. Иногда в разговоре кто-то кого-то может назвать по имени, фамилии или даже кличке. Я, естественно, наматываю это на ус. Но официально представлять друг другу всех участников игры теперь не принято. Как ты понимаешь, мое имя тоже известно далеко не всем...

– Тем не менее Булатову оно было известно.

– Так, Полетт, откуда ты знаешь этого человека и почему меня до сих пор не закрыли в СИЗО, если перед своей смертью он решил так грубо меня подставить? – поинтересовался дед, сменив позу.

– Я сегодня встретила в городе Антона Ярцева. Вместо приветствия он посмотрел на меня как на своего личного врага. Я потребовала объяснений. Он немного поломался, а потом все-таки раскололся. Оказывается, он с Никой уже собирался идти под венец, но тут повесился ее отец, оставив записку, в которой упомянул твое имя. Антон догадался, что речь идет о тебе, и попросил свою невесту не предавать ее огласке. Так что ты, дедуля, теперь в неоплатном долгу перед моим однокашником...

– Ерунда какая-то, – растерялся Ариша. – Никого я настолько не обыгрывал в последнее время, чтобы этот человек мог полезть от безысходности в петлю. И потом, Полетт, ты, наверное, плохо представляешь себе всю эту кухню. Я попробую тебе объяснить, что к чему. Чтобы сесть за игровой стол, надо купить фишки. Проиграть их за одну партию больше, чем у тебя имеется в наличии, невозможно. Допустим, некто потратил все свои фишки, и если он хочет отыграться в следующей партии, то ему необходимо купить новые. Допустим, наличности у него при себе больше нет. Это не проблема. Ему могут оформить кредит. Кому-то дают его без залога, а кому-то только под залог. Последнее правило особенно касается новичков и тех,

кто плохо возвращал прежние кредиты. Сначала такие игроки закладывают свои часы, потом ключи от машины, словом то, что имеется при них. Если и это не помогает отыгаться, то они запрашивают ссуду уже под залог своего бизнеса или квартиры. Естественно, при нарушении срока возврата кредита квота закрывается и включается «счетчик». Коль скоро некто, в данном случае Булатов, проиграл все, что имел, то он, вероятнее всего, стал бы винить в этом хозяина казино, а не отдельно взятого игрока. Я пока не могу объяснить, как мое имя попало в предсмертную записку отца девушки Антона, но это какая-то ошибка, и я хочу разобраться, почему она произошла...

Аришино объяснение меня вполне убедило. Иван Иванович не мог проиграть все свое состояние одному моему деду. Но почему тогда он сделал крайнего именно из него? Я должна была докопаться до истины. Взяв трубку домашнего телефона, я набрала по памяти номер Ярцева.

– Аллю! – не сразу, но все-таки он ответил.

– Антон, мне нужна фотография Булатова, а также записка, если она, конечно, еще не уничтожена.

– Будешь прессовать своего деда? – удивился Антон. – Скажу честно, не ожидал. Думал, ты спустишь все на тормозах. Ладно, жди, вышлю тебе фотки по электронке.

Я пошла за ноутбуком. Минут через пятнадцать Ярцев прислал письмо с вложениями. Я открыла фотографию лысоватого мужчины лет пятидесяти. Ариша приблизил лицо к монитору, чтобы получше ее рассмотреть.

– Да, я помню этого человека, – не стал скрывать дедуля. – Первый раз он появился в казино месяца два назад, с тех пор стал там регулярным посетителем, а вот пару недель назад действительно исчез. Я и представить себе не мог, что он больше не жилец.

– Ты играл с ним?

– Один или два раза, не больше, – припомнил Ариша. Тем временем я открыла второй вложенный в письмо файл. Дед снова подался всем корпусом вперед и даже надел очки, чтобы внимательнейшим образом изучить короткий текст предсмертной записки: – Полетт, ну и с чего вы с Антоном взяли, что Булатов указывал на меня? Тут же написано «Аристо»... Знаешь, фамилия Аристов встречается не так уж и редко.

– Действительно, – подтвердила я, – даже не «Ариста»... Ярцев не сказал мне, что имя было не дописано. Дедуля, а в вашей среде есть Аристовы?

– Николай Кузьмич Аристов был одним из совладельцев казино «Крестовый король», но он не только отошел от дел, но и переехал из Горовска в областной центр. А вот его дальний родственник, носящий ту же фамилию, иногда грешит по выходным карточными играми. Я даже видел его за одним столом с тем, чью фотографию мы только что с тобой лицезрели. Вот что, Полетт, ты мне распечатай фото Булатова, я завтра покажу его своим приятелям. Может, кто-то что-то и вспомнит об этом человеке...

К концу разговора я уже забыла, в какой напряженной атмосфере он начинался. Все-таки я правильно сделала, что не осталась у Крючкова, а вернулась домой и поговорила начистоту с Аришей! Ярцев ошибся со своими умозаключениями, а потом и меня сбил с толку. Женька тоже хорош! Подстава ему какая-то почудилась. Интересно, та плачущая девушка все-таки от него выбежала или я это себе придумала? Немного поразмыслив над этим вопросом, я поняла, что ответить на него мне все равно не удастся, а потому постаралась выбросить этот эпизод из головы.

Глава 2

На следующий день дедуля отправился добывать информацию о Булатове. Мне не сиделось дома, но пришлось остаться, поскольку должны были прийти рабочие. Кроме того, накопилась масса домашних дел...

Ариша вернулся домой ближе к вечеру и заглянул ко мне в гостиную рококо.

– Ну что тебе сказать, Полетт, – многозначительно начал дед, по-барски усевшись в глубокое антикварное кресло, – я был прав, Булатов действительно появился в казино на Конева примерно два месяца назад. А привел его туда Руслан Хазаров.

– Это кто? – поинтересовалась я.

– Бизнесмен средней руки, который и до этого испытывал свою судьбу за карточным столом. Говорят, в тот вечер Руслан сначала сидел с Булатовым в кафе, они что-то долго и бурно обсуждали за рюмкой коньяка, а потом уже оказались в соседнем помещении, где, собственно, и функционирует казино и куда доступ посторонним закрыт. В первый раз Иван Иванович не играл, только с интересом присматривался к происходящему, будто впервые попал в подобное заведение. Между тем его там узнали. Коля Шустрый несколько раз встречался с Булатовым в областном центре еще в те времена, когда казино существовали на легальной основе. Какие это были времена! – Ариша ностальгически вздохнул. – Дамы в вечерних платьях с оголенными плечами, мужчины в смокингах...

– Дедуля, не отвлекайся, – попросила я, зная, как долго и эмоционально он может рассуждать на свою любимую тему.

– Как скажешь, *ma chère*. Так вот, Коля, знававший ранее Иваныча, припомнил, как прежде горели у того глаза. Теперь же в них не было прежнего азарта, хотя за игрой Хазарова он следил и не без интереса. Через несколько дней Булатов появился в игорном доме один и с тех пор стал бывать там регулярно – по несколько раз в неделю. Надо сказать, в преферансе Иваныч был гораздо слабее, нежели в покере. Или же ему не слишком везло с соперниками? – Ариша ненадолго смолк. – Я сейчас прокрутил в памяти те «пульки», которые мне довелось с ним расписать, и понял, в чем его ошибка. Если я получаю удовольствие от самого процесса игры, то Иваныч был слишком заиклен на конечном результате. Впрочем, поначалу Фортуна ему улыбалась, но недолго. Булатов стал проигрывать все чаще и чаще, а суммы все больше и больше, а потом и вовсе исчез. Никто из моих приятелей не мог предположить, что он залез из-за карточного долга в петлю и перешел в мир иной – со стороны его проигрыши не казались такими уж фатальными.

– Дедуля, а тебе удалось что-нибудь выяснить об Аристовых?

– Кое-что. Что касается Виктора, то ему в последнее время Фортуна ничего, кроме саркастической ухмылки, не показывала. Они с Булатовым были, так сказать, товарищами по несчастью, так что не мог Иваныч винить Витю Аристова в своей смерти. Николай Кузьмич не только уехал в областной центр, но и перепрофилировал там свой бизнес – занялся продюсированием какой-то юной, но уже подающей надежды певички. Так что у Булатова вряд ли были с ним в последнее время точки соприкосновения. В итоге под подозрением остаюсь только я один, – горько усмехнулся Ариша. – Не знаю, может, Иваныч не смог мне простить именно те пятьдесят тысяч...

– Ну что такое ты говоришь? – Я постаралась приободрить деда, в виновность которого уже не верила.

– А что еще я могу тебе сказать? – развел он руками. – Все правильно, любой человек, мало-мальски вхожий в нашу среду, прочитав ту записку, сразу укажет на меня. Так что я на твоего одноклассника не в обиде. Что у него было на уме, то оказалось и на языке. Было бы

гораздо хуже, если бы он промолчал. И для нас и для него. Носить в себе подозрения и обиды не так просто.

– Ариша, а что если кто-то хотел тебя подставить? – озвучила я мысль, подсказанную мне вчера Крючковым.

– Ну кому это надо? – В голосе моего прародителя отчетливо слышался скепсис. – Я вроде никому не переходил дорогу, по крайней мере в последнее время...

– А вот я переходила, и не раз, – заметила я. – Вдруг это мне кто-то решил отомстить, причем моими же методами? Я даже не удивлюсь, если Булатов не сам в петлю залез, а его туда засунули, а перед этим заставили накарять записку. Только по случайному стечению обстоятельств она не попала в руки правоохранительных органов. Если бы не Ярцев, то ходить бы тебе, Ариша, в Следственный комитет на допросы...

– Если так, то в самое ближайшее время надо ждать очередной нападки, эта ведь, по существу, провалилась. Полетт, у тебя уже есть предположения, кто именно мог объявить тебе войну? – поинтересовался дедуля, удивительно быстро согласившийся с Женькиной версией.

– В том-то и дело, что конкретных подозрений нет. Даже если отбросить тех, кто в результате моих актов возмездия оказался на зоне или в психушке, то остается человек десять, если не больше. Каждый из них мог озаботиться вопросом, кому он обязан своими неприятностями, и логическим путем прийти к выводу, что их автор – это я...

– И что же теперь делать? Сидеть и сложа руки ждать следующего удара? – Ариша стал нервно теребить бородку. – Полетт, пойми, я не за себя переживаю, а за тебя.

– А вот это совершенно напрасно – мы попробуем предотвратить следующий удар. Для этого надо будет навести подробные справки о Булатове. Может быть, у нас окажутся общие знакомые помимо Ярцева?

– Хорошая мысль, – благосклонно кивнул Ариша и, немного подумав, предложил: – Я, пожалуй, позвоню Курбатову и попрошу его пробить покойника по базе данных ФСБ.

– А заодно и Хазарова, – добавила я.

– Хорошо.

– А я еще раз поговорю с Антоном. – Я тут же взяла мобильник и набрала номер телефона своего бывшего одноклассника.

– Опять ты? – нехотя отозвался Ярцев. – Полина, ну что тебе еще от меня надо?

– Антон, я хотела бы с тобой встретиться. Желательно сегодня.

– У меня много дел, – слова Антона следовало воспринимать как отказ, но я не думала сдаваться.

– Антон, я провела небольшое расследование и пришла к выводу, что нас с дедом, возможно, кто-то подставляет. Без твоей помощи мне не выяснить, так ли это.

– Вряд ли я чем-нибудь смогу тебе помочь. – Ярцев продолжал демонстрировать мне свое «фи».

– Жаль, а я думала, что тебе тоже небезынтересно будет узнать, что же на самом деле произошло с отцом Ники...

– Ладно, давай встретимся, – все-таки сдался Ярцев. – Как скоро ты подъедешь к редакции, где я работаю?

– Минут через сорок.

– Как будешь на месте, позвони, я к тебе спущусь. – Интонацией своего голоса одноклассник дал мне понять, что делает мне величайшее одолжение. – Но если опоздаешь, пеняй на себя, я тебя ждать не буду.

Отправившись без промедления в город, я прибыла на место даже раньше, чем обещала, и, припарковавшись около редакции газеты «Горовск сегодня», позвонила Ярцеву. Только он не ответил. Неужели решил меня кинуть? В следующую секунду я поняла, что ошиблась в своих подозрениях, – Антон вышел на улицу и направился напрямик к «Мини-Куперу».

– Ну и о чем ты хотела со мной поговорить? – холодно осведомился мой однокашник, подсев в мою машину.

– У нас сейчас с тобой одна тема – самоубийство Булатова. Так что Расскажи-ка мне для начала о его семье, – попросила я.

– Семья как семья, – Антон сделал небольшую паузу, – была до того, как с Иваном Ивановичем случилось это несчастье. А теперь на них лежит клеймо... Соседи шушукаются, глядя им вслед...

– Скажи, Иван Иванович точно сам повесился? Может, ему помогли?

– Все указывает на то, что сам. Ника говорила: отец в последнее время сильно нервничал, а когда они с матерью спрашивали его, в чем дело, он говорил, что проблемы на работе, избегая при этом каких-либо подробностей. В тот роковой день, уходя на работу, Иван Иванович попрощался с Никой и Верой Николаевной так, будто никогда их больше не увидит. Часа через два им позвонила его секретарша и, захлебываясь слезами, сообщила, что Булатов повесился в своем кабинете.

– Значит, он уже с утра, а то и накануне замыслил суицид, – подвела я резюме.

– Выходит, что так, – подтвердил Ярцев. – Что касается записки, то Ника нашла ее дома только на следующий день. Смятый листок бумаги валялся за мусорным ведром. Похоже, ее отец промахнулся, когда выбрасывал его.

– Антон, ты наверняка обратил внимание, что в записке написано «Аристо», а не «Ари-ста». Если имя Аристарх крайне редкое, то фамилия Аристов достаточно распространенная. Может, у Ивана Ивановича были знакомые с такой фамилией?

– Вряд ли. Ника с Верой Николаевной не могли сообразить, кого он имел в виду. Правда, я тоже не сразу на твоего деда подумал, а только тогда, когда узнал, что Булатов играл в карты. А что касается последней буквы, то тут все просто – Никин отец не дописал хвостик. Мне кажется, он не был уверен, что сможет совершить задуманное, поэтому смял бумагу с незаконченным текстом и выбросил ее в мусорку. Или же передумал облегчать работу следствию, – журналист поделился со мной своими соображениями, которые показались мне неубедительными.

– Знаешь, мой дед действительно выиграл у Булатова около пятидесяти тысяч рублей. Сумма эта немаленькая, но и не такая уж большая, чтобы лезть из-за нее в петлю. Иван Иванович еще многим, кроме него, проиграл – кому-то больше, кому-то меньше этой суммы. Антон, почему же он винил в своей смерти именно Аристарха? – Я не нападала на Ярцева, а предложила ему поразмышлять вместе со мной на эту тему.

У того сразу же нашелся ответ:

– Возможно, он сначала хотел перечислить имена всех, кому проиграл, а потом передумал.

Я не могла с этим согласиться.

– Антон, скажи, к чему винить таких же игроков, как и он сам? Пан или пропал – это дело случая. Если Булатов все чаще и чаще оказывался в проигрыше, то он, скорее всего, был вынужден брать деньги в кредит, а там при просрочке такие проценты набегают, которые могут в несколько раз превышать сумму самого кредита. Не исключено, что некий Аристов ссудил ему определенную сумму. С возвратом возникли проблемы, поэтому первоначальная сумма стала расти в геометрической прогрессии и достигла такого потолка, который Булатову было уже финансово не осилить. – Я заметила, что журналиста заинтересовал ход моих мыслей, поэтому продолжила: – Но, возможно, все происходило совсем по другому сценарию. Иван Иванович кому-то мешал и его убрали, бросив при этом тень подозрений на моего деда.

– Он повесился сам. Секретарша Булатова утверждала, что никто в кабинет ее босса не входил. А влезть туда через окно невозможно – на окнах решетки. У следствия ее показания не вызывают сомнений.

- А где работал Булатов? – запоздало поинтересовалась я.
- У него был свой мини-заводик «АБЦ» по производству бытовой химии: средств для мытья окон, чистки труб, унитазов... Так вот, судя по документам, найденным в сейфе, накануне своего самоубийства Иван Иванович продал свой завод за очень даже приличную сумму, но не сказал об этом ни своим сотрудникам, ни родным.
- А кто стал новым хозяином этого предприятия? – не могла не поинтересоваться я.
- По бумагам права собственности перешли к фирме «Оксид», зарегистрированной в соседней области.
- Фирма наверняка подставная, – предположила я.
- Правоохранительные органы с этим разбираются. Примечательно, что денег у Никитино отца не нашли ни наличкой, ни на счетах. «АБЦ» был банкротом. Какой отсюда вывод напрашивается? – спросил меня Ярцев.
- Пока не знаю.
- Все, что он получил от продажи заводских стен и оборудования, а также нереализованных остатков продукции, ушло в погашение карточного долга, пусть не твоему деду, а кому-то другому, – высказался Антон.
- А откуда вообще стало известно, что Иван Иванович игрок? – спросила я у Ярцева.
- Мне Ника рассказала, что ее отец проигрался в карты, а откуда и когда ей стало это известно, я не в курсе. Она не хочет распространяться на эту тему.
- Антон, а ты можешь устроить мне встречу с ней? – попросила я.
- Не думаю, что это хорошая идея. Ника так потрясена произошедшим, что не желает ни с кем общаться, даже со мной. У нее страшная депрессия. Да и у Веры Николаевны состояние не лучше. Я рад бы им хоть как-то помочь, но боюсь, что это не в моих силах.
- Антон, мне кажется, самое лучшее, что ты можешь для них сделать, это узнать правду. Надеюсь, ты уже не думаешь, что это мой дед склонил Булатова к суициду?
- Скажу тебе прямо, я все еще не исключаю такой вариант, но признаю, что возможны и другие.
- Уже кое-что, – благосклонно заметила я. – Мне удалось выяснить, что Ивана Ивановича привел в казино некий Хазаров. Ты о нем что-нибудь слышал?
- Нет.
- Надо как-то деликатно расспросить Нику и ее маму, знают ли они этого человека.
- Я попробую.
- И еще, надо найти выходы на кого-нибудь из сотрудников Булатова, чтобы выяснить, почему фирма обанкротилась.
- Я видел на похоронах Сашку Заломного. Ты его помнишь?
- Нет. Кто это?
- Он в параллельном классе учился. Так вот, Сашка, оказывается, работает на заводе «АБЦ» химиком-технологом.
- Слушай, а это случайно не Заломнов в десятом классе едва не взорвал кабинет химии? – уточнила я.
- Он, – подтвердил мой одноклассник.
- Сможешь наладить с ним контакт?
- Попробую, – без особого энтузиазма произнес журналист.
- Антон, а где этот завод находится? Что-то я раньше ничего о нем не слышала.
- На севере Горовска, в промзоне.
- Зазвонил мой мобильник, судя по мелодии, это был Крючков.
- Алло! – ответила я.
- Здравствуй, Поля! Извини, что не позвонил раньше, – было много работы. Скажи, как твои дела? Поговорила с Аристархом Владиленовичем? – спросил Женька.

Ярцев махнул мне рукой, прощаясь, и вылез из «Мини-Купера».

– Поговорила, – сказала я, провожая Антона взглядом. – И очень хорошо, что я сделала это именно вчера. Ариша ни при чем. Ярцев перемудрил, ведь в записке было написано «Аристо»...

– «Аристо»? – переспросил Крючков, сделав ударение на букву «о».

– Да. «В моей смерти прошу винить Аристо»... На этом текст обрывается.

– Слушай, так, может, Булатов имел в виду Аристотеля? – предположил Женька.

– Интересно, почему не Конфуция или Сократа? – сострила я.

– Полина, напрасно ты иронизируешь. Аристотель – это горовский вор в законе. Он в городе контролирует весь наркобизнес, – просветил меня адвокат, и у меня сразу же родилась одна идея.

– Женья, кажется, пазл начинает складываться. Я только что выяснила, что Булатов накануне самоубийства лишился завода по производству бытовой химии. Скорее всего, он не захотел устраивать там побочное наркопроизводство. Тогда его подсадили на карты и забрали предприятие в качестве карточного долга. А стоит за этим Аристотель...

– Пока фактов маловато. Или тебе что-то еще известно?

– Больше ничего. Хотя есть еще одна фамилия – Хазаров. Этот бизнесмен привел Ивана Ивановича в казино, где тот стал регулярно бывать и также регулярно проигрывать...

– Нет, этого человека я не знаю, но твоя версия о том, что Аристотель положил глаз на химическое производство, представляется мне вполне вероятной. Он не приемлет отказов, а потому любой ценой достигает своей цели... Одно радует – твой дед оказался не при делах. – После некоторой паузы Крючков предложил: – Полина, а давай сегодня поужинаем в ресторане!

– Как-нибудь в другой раз, – ответила я, вспомнив про чай и девушку, в слезах выбегающую из Женькиной парадной.

– В другой так в другой, – Крючков не стал проявлять чрезмерную настойчивость.

* * *

Ариши дома не оказалось. Поднявшись на второй этаж, я заглянула в свою спальню. До окончания ремонта еще было очень далеко. Затем я зашла в соседнюю комнату, в которую была вынуждена временно перебазироваться. Включив компьютер, я на всякий случай посмотрела записи с камер скрытого видеонаблюдения, установленных в доме, и обнаружила, что один из рабочих вел себя весьма подозрительно. Он использовал любой мало-мальски подходящий момент, чтобы отлынить от своих прямых обязанностей и заглянуть в помещения, не требующие ремонта. Особенно его заинтересовала наша гостиная, выполненная в буржуазном стиле рококо. Увеличив изображение с камеры, установленной там, я увидела, что рабочий достал из кармана носовой платок и с его помощью, не боясь оставить отпечатки пальцев, стал поочередно открывать дверцы шкафов и ящики комодов. В одном из них он нашел закрытую антикварную шкатулку, ключ от которой давно и безнадежно был потерян. Честно говоря, я уже и не помнила, что в ней хранится. Повертев шкатулку в руках, рабочий поставил ее на место и вышел из гостиной. После этого он как ни в чем не бывало присоединился к своим товарищам.

Сначала я хотела созвониться с менеджером строительно-дизайнерской фирмы и рассказать о произошедшем, но потом передумала. Специфика моей работы такова, что никогда не помешает держать кого-то на коротком поводке, чтобы в нужный момент воспользоваться его нестандартными услугами. Я не исключала, что завтра этот рабочий предпримет попытку прибрать что-нибудь к рукам, а потому решила к этому подготовиться...

Ариша вернулся домой поздно вечером. По его лукавому взгляду я поняла, что он собирается меня чем-то удивить.

– Полетт, я сегодня понял, что от скромности мы с тобой не умрем, – заявил дед, пригладив бородку. – Вот ты, ma chère, предположила, что некто решил подставить меня, чтобы досадить тебе. Я нашел это вполне возможным и... совершенно напрасно. Ты даже представить себе не можешь, о ком, скорее всего, говорилось в предсмертной записке Булатова.

– Ну почему же? Как раз-таки могу, – ответила я с деланным равнодушием. Интригующее выражение как рукой стерлось с Аришиного лица. – Вероятно, об Аристотеле.

– По паспорту – Аркадии Истомине, – уточнил дедуля.

– Даже так? А как ты об этом узнал?

– Благодаря Курбатову. Я позвонил ему, попросил навести справки о Булатове, он согласился, ни о чем не спрашивая. Тогда я поинтересовался еще и Русланом Хазаровым, и вот тут уж Сергей не смог удержаться от вопроса, что у меня общего с этим пособником вора в законе по кличке Аристотель. Услышав это, я сразу же смекнул, кого имел в виду Иваныч. Я наболтал Сергею всякой удобоваримой чепухи, а потом решил прогуляться до Севрина. Он дважды сидел в местах не столь отдаленных, и я подумал, что ему известна вся криминальная иерархия Горовска. Севрин давно приглашал меня в гости, вот я и принял его приглашение. Мы сыграли с ним в бильярд. Между делом мне удалось выяснить, что Аристотель...

– Контролирует наркобизнес, – опять-таки проявила я свою осведомленность.

– Ну, ничем тебя не удивишь, Полетт! – вполне добродушно заметил Ариша. – Ладно, попробуй ты меня удивить. Вдруг ты знаешь то, чего не знаю я?

– У меня есть одно предположение... Я думаю, что Аристотелю мог понадобиться хим-завод Булатова.

– А что? – согласно закивал дедуля. – Там удобно хранить большие партии наркотиков, а то и производить их. Надо полагать, Булатов отказался этим заниматься, у него решили забрать предприятие. И забрали. За карточные долги. Оставшись на бобах, Иваныч не нашел ничего лучше, как залезть в петлю. Хотя лично мне не совсем понятен такой поступок. У Булатова все-таки была семья – жена, дочь. Только ради них стоило продолжать жить.

– Возможно, мы чего-то еще не знаем, – предположила я.

– Наверняка, – Ариша застыл с глубокомысленным лицом. Через какое-то время он выдал: – Полетт, ты не находишь, что семье Булатовых стоит показать записку следователю? Если они ее, конечно, сохранили... Коль мы с тобой так быстро во всем разобрались, то и он может догадаться, из-за кого Иваныч решил свести счеты с жизнью.

– Я сильно сомневаюсь, что Аристотеля обвинят в том, что он довел Ивана Ивановича до самоубийства. Тем более автор записки оборвал ее на полуслове. В лучшем случае Аркадия Истомина разок вызовет на допрос, куда он придет в сопровождении лучшего горовского адвоката и будет категорически отрицать сам факт своего знакомства с Булатовым. Думаю, они лично никогда и не контактировали.

– Скорее всего, что так, – согласился со мной дедуля. – По крайней мере, мы с тобой выяснили, что я не имею никакого отношения к самоубийству Иваныча. Проблема, как говорится, исчерпана.

– Эта – да, но у нас появилась другая...

– Какая? – встревожился Ариша.

– Один из рабочих замыслил нас ограбить. Сегодня он исследовал едва ли не весь дом, проявив особый интерес к гостиной рококо. Хорошо, что я установила там скрытую камеру. Не удивлюсь, если завтра он постарается что-нибудь стащить оттуда.

– Эту проблему решить несложно – достаточно завтра утром позвонить в офис, обрисовать ситуацию и попросить заменить этого рабочего, а то и всю бригаду целиком.

– Нет никакой гарантии, что и в ней не будет паршивой овцы.

– Да, такое не исключено. А что ты предлагаешь, Полетт? – поинтересовался дедуля, и я охотно поделилась с ним своим планом. Моя идея ему понравилась.

Глава 3

На следующий день, когда пришли рабочие, я нарочито громко сказала деду, что уезжаю в город на весь день. Вышла из дома, села в «Мини-Купер», выехала на соседнюю улицу, припарковавшись около местного магазина, окольными путями вернулась к коттеджу. Устроившись в беседке, расположенной в нашем садике, я открыла ноутбук и стала наблюдать за тем, что происходит в доме. Ариша уединился в своей комнате, включил на полную катушку телевизор, предоставив строителям полную свободу действий. Примерно через час рабочий (сегодня я слышала, что его зовут Олег) вышел из комнаты, озираясь, шагнул к лестнице, спустился на первый этаж и юркнул в приоткрытую дверь гостиной рококо. Подойдя к буфету, он надел тонкие резиновые перчатки, открыл дверцу, достал шкатулку и стал умело орудовать отмычкой. И вот, когда ему удалось открыть ее, я тихонько подошла к открытому окошку и громко произнесла:

– Спасибо, Олег!

Вор вздрогнул от неожиданности и едва не выронил шкатулку из рук.

– Я не хотел, – произнес он дрожащими губами.

– Понимаю.

– Я не хотел ничего брать, просто шел мимо, дверь была приоткрыта, мне стало интересно, что здесь такое, и я зашел...

– Да, конечно, резиновые перчатки именно это и подтверждают, – усмехнулась я. – И отмычка, понятное дело, у тебя с собой совершенно случайно оказалась. Как ты думаешь, за что это я тебя поблагодарила? Ладно, не буду томить загадками. Ключ от шкатулки потерялся, а ты ее нам открыл.

Олег поставил шкатулку на место, снял перчатки и вдруг резко рванул к двери. Только сбежать ему не удалось, поскольку за дверью стоял Ариша – я позвонила ему сразу же, как только камера зафиксировала присутствие в гостиной постороннего человека.

– Ну и куда мы так спешим? – спросил его дедуля. – Неужели проснулся трудовой энтузиазм? Флаг в руки не нужен?

– Спасибо, не надо.

– Может, полицию вызвать?

– Тоже не надо.

– А мне, сынок, кажется, что надо, – Ариша достал из кармана трубку.

– Вы ничего не знаете! Я бы никогда не решился на это, у меня обстоятельства, – стал оправдываться вороватый рабочий.

– Какие такие обстоятельства? – поинтересовался дед. – Наркотики купить не на что?

– Я не наркоман, я... отец-одиночка. Жена три месяца назад родила двух близнецов, а сама умерла в тот же день. Бабушек-дедушек у нас нет, пришлось нанять няню. Ее услуги немалых денег стоят, плюс памперсы и детское питание... Вы даже представить себе не можете, сколько уходит в месяц на все это, плюс коммунальные платежи. У меня уже долг за оплату услуг ЖКХ накопился за три месяца. Если я его не погашу, нас выселить могут, не посмотрят, что дети там прописаны... Да что я вам все это рассказываю! Вам меня не понять!

– Ну почему же? Я сам вдовец, поэтому могу тебя понять, – дед снисходительно похлопал Олега по плечу. – Фотография ребятишек есть?

– Была, в мобильнике, но я его с собой уже две недели не ношу – нет смысла, поскольку на счету ни копейки. А зачем вам фотография моих детей? – насторожился Олег.

– Так, из чистого любопытства.

– Понятно, не верите мне. Ваше право. Только я сказал вам чистую правду. Если можно, не говорите о том, что здесь произошло, моему начальству, иначе мне больше никуда на работу

не устроиться. Я уволюсь. Сам. Пойду на стройку, буду вместе с гастарбайтерами из Средней Азии кирпич класть. Сашку с Машкой ведь надо чем-то кормить...

– Ладно, Олег, мы пойдем тебе навстречу, – произнесла я через открытое окно. – Ситуация у тебя, как я поняла, критическая.

– Так и быть, мы не станем вызывать полицию и ничего не скажем твоему начальству, – вторил мне дед, – можешь продолжать здесь работать.

– Только знай, у нас есть запись того, что здесь произошло, – предупредила я.

– Какая запись? – насторожился рабочий.

Я отогнула пышный куст суданской розы, стоящей на подоконнике, продемонстрировав камеру, прикрепленную к ее стволу.

– Если же ты снова выкинешь подобный фортель, то мы сразу же напишем на тебя заявление в полицию.

– Нет, что вы, я ни на что такое больше не пойду, – пообещал Олег. – Такое было у меня впервые. Я урок на всю жизнь запомню.

– Михайлов! – раздалось в недрах дома. – Ты... куда пропал?

– Мужики зовут. Я пойду к ним? – спросил рабочий у деда.

– Иди, – Ариша посторонился, выпуская Олега из гостиной.

Я зашла в дом и первым делом заглянула в шкатулку, которую открыл Михайлов. В ней лежали мамины украшения – сережки, два колечка и цепочка с кулончиком в виде рака, ее знака зодиака.

– Полетт, как ты думаешь, в его словах хоть что-то было правдой? – озадачил меня дедуля.

– Не знаю.

– А я уверен, что не было. Его надо уволить.

– Я не была бы столь категоричной.

Раздалась негромкая трель мобильного телефона, Ариша достал его из кармана и приложил к уху.

– Аллю! Да, Сергей! Рад тебя слышать... Так, это надо записать. – Дед огляделся по сторонам, обнаружил на каминной полке журнал, в котором разгадывал вчера сканворд, подошел к камину и стал что-то записывать. – Ну что ж, Сережа, спасибо, что не забыл про мою просьбу. Да, все хорошо. Я передам ей от тебя «привет». И тебе доброго здоровья!

– Это был Курбатов? – догадалась я.

– Да, я ведь забыл ему сказать, что нас больше не интересуют ни Булатов, ни тем более Хазаров, вот он и навел о них справки. Мне пришлось выслушать его, чтобы не показаться невежливым.

– Любопытно, что же дядя Сережа тебе сообщил? – Я протянула руку к журналу, на котором дед что-то записал, но Ариша отодвинул его в сторону и положил на него свою ладонь.

– Полетт, зачем тебе эта информация? Надеюсь, ты не собираешься бросить вызов вору в законе?

– Возможно.

– Знаешь, что я тебе скажу, ma chère, это тот случай, когда лучше не ввязываться в драку, а отступить без боя.

– Это почему же?

– Все твои прежние акты возмездия были направлены против чиновников и бизнесменов. Аристотель – бандит, он беспредельщик. Ты даже не можешь представить себе, на что он способен!

– На что?

– Будь уверена, церемониться с тобой не станут. Я похоронил жену, сына, невестку и просто не переживу, если с тобой, Полетт, что-то случится. И потом, насколько мне известно,

Булатовы не просили тебя наказывать того, кто довел Иваныча до самоубийства. А чрезмерная инициатива, да будет тебе известно, всегда наказуема. – Дедуля взял с полки журнал и вышел из гостиной.

Булатовы меня действительно ни о чем не просили, но мне было чем с ними поделиться. Немного подумав, я позвонила Ярцеву:

– Алло! – ответил Антон. – Знаешь, я как раз собирался тебе звонить.

– Вот как?

– Я сегодня был у Ники. Она сказала, что дело закрыли за отсутствием состава преступления, и набросилась на меня с упреками.

– Разве ты в чем-то перед ней виноват? – удивилась я.

– Только в том, что я упросил ее скрыть предсмертную записку. Мне пришлось оправдываться перед Никой, и так, слово за слово, я рассказал ей, чем ты занимаешься. Короче, она захотела, чтобы ты нашла того, кто заставил ее отца свести счеты с жизнью, ну и, разумеется, наказать преступника. Возьмешься за это?

– Возьмусь, – не раздумывая, ответила я.

Но тут прозвучал постскрипtum:

– Полина, только у Ники нет денег, да и я сейчас на мели. Но ты ведь не откажешься из-за этого?

– Платить должен тот, кто виновен в смерти Ивана Ивановича, то есть... Аристотель.

– Аристотель? – переспросил Ярцев. – Ну точно! Есть в Горовске такой вор в законе. Странно, что я сам о нем не вспомнил.

– Действительно, странно. Ты ведь не светские новости освещаешь, а ведешь криминальную хронику, – уколола я журналиста.

– Веду, – подтвердил Антон. – Только мне новый редактор и двух строчек напечатать об Аристотеле не дает, поэтому в последнее время приходится размениваться по мелочам. Полина, нам надо срочно с тобой встретиться!

Именно это я и сама хотела ему предложить, поэтому спросила:

– Ты где сейчас?

– Я только что вернулся от Ники к себе в редакцию.

– Хорошо, я через час к тебе подъеду. – Отключив связь, я поднялась на второй этаж, заглянула в свою комнату, проконтролировала работу строителей, а затем зашла к Арише со словами: – Я собираюсь поехать в город...

– Нет, это я туда собираюсь, – возразил мне дед. – У меня важное дело, отложить которое я никак не могу. В свете последних событий оставлять строителей без присмотра нежелательно, поэтому тебе, *ma chère*, придется остаться на хозяйстве. Я уже вызвал такси.

– Ладно, – мне пришлось с этим смириться, поскольку Ариша был не обязан следить за рабочими, которые делают ремонт в моей комнате. – Я только перегоню «Мини-Купер» с соседней улицы обратно в гараж.

– Поторопись, такси обещали подать через пятнадцать минут.

Я вышла из дома и позвонила Ярцеву:

– Антон, у меня изменились обстоятельства. Я не могу приехать в город. Может, ты ко мне подскочишь?

– Договорились, – на удивление легко согласился журналист.

* * *

Ярцев приехал примерно через час, и мы устроились с ним в гостиной, выполненной в стиле хай-тек.

– Полина, я должен тебе кое-что рассказать, – начал Антон, размешивая сахар в чашке с горячим кофе. – Многое из этого я сам узнал только сегодня.

– Слушаю тебя, – заинтересованно произнесла я.

– Никина семья переехала в Горовск два с небольшим года назад, – начал вещать мой однокашник. – Раньше они жили в областном центре. Ее отец был одним из основных акционеров химкомбината. Они жили в трехкомнатной квартире в элитном районе. Ника заочно училась в московском вузе. Ее жизнь была полна перспектив, но однажды случилось страшное – ее отец пристрастился к карточным играм и постепенно проиграл все, что имел. Сначала он отдал за долги то, что было у него на счете, потом автомобиль, акции предприятия. Дело даже дошло до того, что Иван Иванович взял кредит под квартиру. Правда, ему как-то удалось отыгаться и сохранить жилье. Вера Николаевна и Ника, конечно, догадывались, что с отцом происходит что-то неладное. Но о том, что он игрок, они узнали от каких-то общих знакомых уже тогда, когда Иван Иванович успел проиграть едва ли не половину семейного состояния.

– Они как-нибудь пытались бороться с его пагубным пристрастием? – поинтересовалась я, поскольку сама в любой момент могла столкнуться с этой же проблемой.

– Конечно. Дело доходило до того, что Вера Николаевна, уходя в больницу на ночную смену, закрывала мужа на ключ. Только он все равно умудрялся вырываться из-под домашнего ареста, перелезая через лоджию к соседям. Кредит, взятый под залог квартиры, стал последней каплей. Никина мама поставила Ивану Ивановичу условие – либо он пойдет к психотерапевту, чтобы излечиться от игровой зависимости, либо она подаст на развод. А Ника пообещала, что бросит институт и устроится в ночной клуб танцовщицей, если отец не завяжет с картами. Это сработало – Иван Иванович стал посещать сеансы психотерапевта.

– А мне такое в голову не приходило, – призналась я.

– Шантажировать деда сменой профессии? Слушай, Поля, а я уже представляю тебя у шеста, – сострил Ярцев.

– Не смешно! Ариша на шантаж, тем более такой примитивный, ни за что не поддастся. Но договориться с ним можно. Если найти правильный подход, дед согласится из любопытства пойти к психотерапевту. Но вот будет ли из этого толк? Скажи, Булатову помогли сеансы?

– Да, Ивана Ивановича перестало тянуть в казино, но... его стало душить чувство вины перед женой и дочерью. И было ведь из-за чего! Прежний уровень жизни его стараниями был безвозвратно утерян. Лишившись акций химзавода, Булатов, естественно, слетел с руководящей должности. Зарплата рядового химика не приносила большого дохода, поэтому об отдыхе за границей, занятиях в фитнес-центре, да и о многом другом Нике и ее маме пришлось забыть. От Вероники даже некоторые подружки отвернулись, узнав, что она подрабатывает расклейщицей объявлений. А она была вынуждена это делать, чтобы ездить в Москву на сессии... Полина, прости, а еще кофе можно?

– Да, конечно, сейчас сварю.

Я пошла в столовую, засыпала в электрическую кофеварку молотый кофе и вскоре вернулась в гостиную с чашкой ароматного напитка.

– На чем я остановился? – спросил Ярцев.

– На том, что Ника расклеивала объявления, а ее отца мучило чувство вины.

– Иван Иванович попытался заглушить это чувство алкоголем. – Антон пригубил горячий напиток.

– Пожалуй, деду не стоит идти к подобному специалисту, – вставила я замечание в образовавшуюся паузу. – Еще не хватало, чтобы Ариша превратился из игрока в запойного пьяницу.

– Погоди делать преждевременные выводы. Слушай дальше. Тот же психотерапевт посоветовал Вере Николаевне сменить обстановку и загрузить мужа каким-нибудь интересным делом, разумеется, на новом месте. Ника с мамой всю голову сломали, как это осуществить...

– Я их понимаю, – заметила я.

– Но тут, – продолжил Ярцев, сделав несколько глотков кофе, – у Веры Николаевны умер отец, который жил в Горовске, оставив ей неплохое наследство. Ника к тому времени окончила институт, получив диплом переводчицы английского языка. На семейном совете было решено продать квартиру в областном центре и переехать в Горовск, вложив деньги от продажи жилья в какой-нибудь бизнес. Пересмотрев разные варианты, Булатовы остановились на том, чтобы открыть химзавод. Психотерапевт не ошибся – Иван Иванович втянулся в собственное дело и перестал пить. Об азартных играх он тоже не вспоминал. Да и где ему было просаживать деньги, если казино к тому времени официально закрыли? Полина, ну не смотри на меня так! Новоиспеченному жителю Горовска не просто было найти злчное место.

– Согласна, чтобы попасть в подпольное казино, нужно чье-нибудь поручительство. Вот Хазаров за него и поручился... Ладно, что было дальше?

– Завод «АБЦ» стал приносить устойчивую прибыль месяцев через восемь. Жизнь, как говорится, стала налаживаться. И вдруг все пошло под откос по тому же сценарию, только гораздо быстрее. За месяц с небольшим Никин отец проиграл свои сбережения, автомобиль и фирму. В принципе было понятно, отчего Иван Иванович решил свести счеты с жизнью, но вот его записка, пусть и недописанная, заставляла посмотреть на произошедшее под другим углом. Ника говорит, что ее отец по своей натуре не был склонен искать виноватых. По ее словам, в первый раз он понимал, что вся ответственность за разорение лежит на нем самом. А второй раз Иван Иванович нашел виновного, хотя и не решился обнародовать его имя. Теперь ясно почему. Если бы он бросил тень на Аристотеля, то у Ники с Верой Николаевной после его смерти возникли бы проблемы. Они пока об этом даже не догадываются. Я ведь сегодня озвучил им две твои версии. Булатовы склонились к первой, то есть к тому, что «Аристо» – это тот, кто ссужал Ивану Ивановичу деньги под кабальные проценты. А вторая, согласно которой твоего деда кто-то решил подставить, дабы достать тебя, показалась им совсем уж неправдоподобной. Они просто не понимают, при чем тут Иван Иванович.

– Оказалось, что ни при чем. Обе эти версии провалились, как только я услышала об Аристотеле. А когда выяснилось, что Руслан Хазаров работает на человека, контролирующего в Горовске весь наркобизнес, все окончательно сложилось. Если бы у Булатова была, к примеру, мини-пекарня или швейная фабрика, да еще где-нибудь в центре города, это дело вряд ли заинтересовало Аристотеля. А химзаводик на окраине Горовска – для него лакомый кусок. Кстати, а откуда взялось такое странное название «АБЦ»? Оно что-то означает?

– Это Ника придумала. Только за этими буквами ничего конкретного не стоит. У Булатовых были какие-то другие варианты, но в реестре налоговой они уже значились. Вот она и предложила первый пришедший ей на ум набор букв: «АБЦ». Но давай вернемся к нашим «баранам», – Ярцев закрыл лишнюю тему. – Ника сегодня рассказала мне, что Руслан когда-то сам пришел к ее отцу и сделал ему выгодное коммерческое предложение. Понимаешь, сам пришел?

– Понимаю, – кивнула я. – А какое именно предложение он сделал?

– Он предложил Ивану Ивановичу реализовывать его продукцию через свою торговую сеть «Вариант». Как только они заключили первый контракт, прибыли «АБЦ» стали неуклонно расти. Хазаров стал частенько бывать у Булатовых дома и даже начал подбивать клинья к Нике, – в голосе Ярцева послышались нотки ревности. – Но после того, как она встретила Руслана в торговом центре с женой и сыном, он оставил свои поползновения.

– Понятное дело, прокололся, – усмехнулась я.

Дверь в гостиную с шумом распахнулась, и бригадир заявил с порога:

– Хозяйка, мы на сегодня закончили! Работу принимать будете?

– Конечно, – ответила я и, поднявшись с кресла, обратилась к Антону: – Подождешь меня?

– Да, – кивнул журналист, – мне как раз надо сделать несколько звонков по работе.

Зайдя в свою комнату, я стала придирчиво осматривать стены. Мне показалось, что глубина ниши получилась меньше, чем было запланировано по проекту, поэтому я взяла рулетку.

– Так и есть, – сказала я, – не хватает двух сантиметров. Как это понимать?

– Так получилось, – бригадир виновато потупил взор и, не поднимая на меня глаз, промямлил: – Полина Андреевна, может, оставим как есть?

– Нет, не оставим. Придется все переделать так, как было в проекте. Кстати, а где провода для телевизора?

– Мы их потом вытянем, – заверил меня бригадир.

Я могла бы поверить ему на слово, но если бы я с самого начала проявила малодушие, то рабочие продолжали бы каждый день портачить. Кузьмич ждал от меня поправки, но свой план по добрым поступкам я уже выполнила – оставила Олега без наказания.

– Не думаю, что это возможно, – строго сказала я и, повернувшись к двери, добавила: – Так что придется все переделать. Разумеется, завтра. На сегодня все свободны.

Когда я вернулась в гостиную хай-тек, Антон сказал мне:

– Ты ушла, оставив дверь открытой, поэтому я слышал каждое твое слово. А ты, Полина, круто обошла со строителями! Не боишься, что они сбегут?

– Никуда они не денутся. Я плачу им хорошие деньги, поэтому имею полное право требовать идеального результата.

– Кстати, когда работяги проходили мимо, мне показалось, что одного из них я где-то раньше видел...

– Кого именно? – спросила я.

– Самого высокого.

– Олега?

– Точно! Это Олег Михайлов, бывший вор-домушник. Он дважды сидел – один раз в «малолетке», а потом уже в обычной колонии. Я писал о том, как устраиваются в жизни бывшие заключенные. Михайлову, одному из немногих героев моей статьи, удалось после отсидки быстро найти работу, создать семью. На тот момент, когда я брал у Олега интервью, он трудился разнорабочим в типографии. Значит, надолго там не задержался. Полина, я бы на твоём месте приглядывал за ним, – посоветовал мне Ярцев. – Мало ли что?

– Антон, а у тебя остались какие-нибудь контакты Михайлова – номер его телефона, домашний адрес?

– Может, и остались. Только зачем они тебе? – удивился Ярцев.

Я ответила уклончиво:

– Хочу кое-что проверить.

– С собой ничего нет, – сказал журналист, покопавшись в своём мобильнике, – но дома могу поискать записи в прошлогоднем ежедневнике.

– Поищи, пожалуйста, – попросила я.

– Не знаю, зачем тебе это понадобилось, но, так и быть, сделаю. Полина, принеси сюда ноутбук, – попросил Ярцев.

– Зачем?

– Пока ты строила рабочих, мне позвонила Ника... В общем, она хочет пообщаться с тобой по скайпу.

– Мой ноут стоит на зарядке, давай поднимемся наверх.

Антон не заставил себя уговаривать. Он тут же встал и направился к выходу. Вскоре мы расположились с ним перед компьютером. На мониторе появилась Ника.

– Привет, это мы! – Ярцев помахал ей рукой. – Знакомься, это Полина. А это – Ника.

Булатова чуть склонила голову, а потом спросила:

– Полина, скажи, ты действительно можешь наказать того, кто виноват в смерти моего папы?

– Это только вопрос времени.

– Я никуда не тороплюсь. Главное – результат. Понимаешь, я всегда была папиной дочкой. Мы с ним ходили на лыжах, катались на велосипедах в парке, – у Ники на глазах проступили слезы. – Мне всегда было важно именно его одобрение. Я знала, что мама легко найдет, за что меня похвалить, да и поругать тоже. А папа... он хвалил меня только тогда, когда я это действительно заслуживала. А вот ругать – не ругал. Просто молчал. Не знаю, зачем я сейчас об этом говорю. Наверное, потому, что мне не хватает отца. Я злилась на него, когда он стал играть в карты и проиграл целое состояние. В результате мы были вынуждены переехать из областного центра в Горовск...

– Ника, если бы ты не переехала сюда, то мы бы с тобой не встретились, – заметил Ярцев, и, как мне показалось, совершенно неуместно.

– Я злилась на него за то, – продолжила Булатова, оставив без внимания замечание своего жениха, – что он снова стал играть. Теперь мне кажется, если бы я снисходительней отнеслась к этому, папа не решился бы на такое... Он испытывал передо мной и мамой чувство вины, поэтому расстался с жизнью.

– Ника, да что ты такое говоришь! – возмутился Антон. – Ни ты, ни Вера Николаевна ни в чем не виноваты. Слышишь меня? Ни в чем! Вы отреагировали на происходящее так, как должны были. Нельзя же поощрять игроманию! Вы не могли предусмотреть, что кое-кто загнал твоего отца в тиски, из которых он не выбрался. Теперь мы знаем, кто это сделал и почему...

Булатова стала вытирать слезы, непрерывно стекающие по ее щекам. Я незаметно ущипнула Ярцева, чтобы он замолчал. Наверное, он говорил правильные слова, но его девушка сейчас была не в том состоянии, чтобы их адекватно воспринимать. Она задумала высказаться, выплеснуть на меня все то, что у нее наболело, поэтому продолжила:

– Я не должна была ставить отцу никаких условий. Мне стоило вызвать его на откровенность, выслушать и попытаться хоть как-то помочь. Мы наверняка смогли бы вместе придумать какой-нибудь выход из ситуации, в которую он попал, но я упустила эту возможность. Я снова принялась шантажировать его тем, что пойду в ночной клуб работать танцовщицей, если он не бросит играть. Если бы я знала, что он уже проиграл завод! Я бы... я бы... я не знаю, что я бы сделала, но, наверное, дала бы папе шанс начать все заново. Он не хотел нас с мамой снова разочаровывать, но не знал, как выпутаться... Я не смогла помочь ему при жизни, поэтому должна сейчас сделать все, чтобы те люди, которые довели его до такого отчаянного шага, были наказаны. Это мой долг. Если я его не верну, то зачем мне жить дальше?

– Ника, что ты такое говоришь? – Антон подался всем телом вперед и едва не проткнул носом монитор. Я потянула его за руку, чтобы вернуть в исходное положение, а Булатова тем временем отключилась. – Полина, ты слышала? Ты это слышала? Ника винит во всем себя и сама подумывает о смерти... Я не знаю, что мне с ней делать.

– Это со временем пройдет. Поверь мне, – в знак дружеского расположения я положила Антону на плечо свою руку. – Когда погибли мои родители, я тоже не понимала, зачем мне жить дальше...

– Ты была тогда ребенком, а Ника уже взрослая... Я понял! – Ярцев вскочил со стула. – Она меня не любит, поэтому отменила свадьбу...

– Антон, она не отменила, а перенесла свадьбу из-за траура. Вот пройдут сорок дней...

– Я не настаивал на каких-то пышных торжествах, – оборвал меня Антон. – Мы могли бы просто прийти в загс и расписаться, а она отказалась. Все девушки только и мечтают о том, чтобы в их паспорте появился штамп о регистрации брака. Только не Ника! Она будто ждала подходящего предложения, чтобы отказать мне...

– Сядь! – прикрикнула я на своего одноклассника. – Не мельтеши перед глазами. У Вероники горе, а ты не можешь подождать, когда она от него оправится.

– Да она не хочет от него оправляться! Она сидит дома и с утра до вечера плачет. Даже Вера Николаевна, и та уже более или менее смирилась с обстоятельствами. А Ника изводит себя чувством мнимой вины. – Ярцев вдруг присел передо мною на корточки. – Полина, вся надежда только на тебя. Чем быстрее ты отомстишь убийцам Ивана Ивановича, тем быстрее Ника войдет в нормальный жизненный ритм.

– Разве я отказываюсь? И встань, пожалуйста, – попросила я.

– Ладно. – Ярцев сел обратно на стул, только отодвинул его чуть в сторону от моего. – Давай для начала обсудим, что будем делать с Хазаровым.

– Антон, я понимаю, что у тебя к Руслану имеются еще и личные претензии, ведь он пытался клеить твою девушку...

– Да при чем здесь это! – возмутился журналист. – Это ведь Хазаров привел Булатова в казино, причем не для того, чтобы его там развлечь, а конкретно затем, чтобы оставить своего делового партнера без копейки, а значит, сделать зависимым. Разве Руслан не заслуживает за это соответствующего наказания? Лично мне представляется самым оптимальным лишить его торговой сети «Вариант».

– Неплохая идея, – согласилась я, – только не следует забывать, что наша основная мишень – Аристотель.

– А ты в курсе, что Аристотель не выезжает из дома без машины сопровождения? – проявил неожиданную осведомленность журналист.

– Пока нет, – не постеснялась признаться я.

– Я тебе больше скажу – когда он едет в ресторан, оттуда заблаговременно выпроваживают всех посетителей и закрывают заведение на спецобслуживание...

– То есть ты знаешь, где он живет и какие рестораны посещает?

– Ну, где он живет, это не тайна. Видела особняк, обнесенный высоченным забором, в начале Профсоюзной улицы?

– Честно говоря, нет. Я не часто бываю в том районе.

– А вот меня туда работа забрасывала. Аристотель, можно сказать, живет в крепости, на территорию которой мышь не проскочит незамеченной, не то что человек. Камеры стоят по периметру всей усадьбы. Чуть кто посторонний рядом появится, сразу охранник выходит разбираться, что ему в этих краях надо. Обслуга проверяется почище, чем при приеме на службу в ФСБ. А рестораны... Я слышал, что он их меняет по своему усмотрению без какой-либо схемы.

– Что тебе известно о делах Аристотеля?

– Ну, так, – Ярцев задумался. – Весь Горовск поделен на сферы влияния. Почти всю западную часть контролирует как раз Аристотель. А восточную – Мороз. Еще небольшой кусок этого «пирога» на юге города находится в руках у Гранита, в частности ваш коттеджный поселок.

– Никогда не слышала об этом. Скажи, а кому подконтрольна территория, на которой находился завод «АБЦ», – Аристотелю или Морозу?

– До меня доходили слухи, что промзона – это спорная территория. Она раньше была под Мотылем, но тот в прошлом году приказал долго жить. Его бывшие владения имели точечную локализацию и были разбросаны по всему Горовску. После смерти старого вора они автоматически попали под контроль к тому, на чьей территории находились эти анклавы. А промзона расположена на границе двух зон влияния. Я тебе, Полина, больше скажу – высокопоставленные сотрудники правоохранительных органов стоят на довольствии у криминальных авторитетов, поэтому оборот наркотиков с каждым годом увеличивается, автомобильные угоны не раскрываются, да и проституция процветает. Если вдруг задерживают распространителя героина, находят чью-то угнанную тачку или делают облаву на жриц любви, то все это происхо-

дит с разрешения криминальных авторитетов. И Мороз, и Аристотель, и Гранит понимают, что полиция должна создавать хоть какую-то видимость работы, вот и дает иногда «добро» на отстрел своих самых слабых и больных особей.

– Цинично, – заметила я.

– Вот мне точно так же редактор сказал, когда я положил ему на стол статью на эту тему, а потом добавил, что жители нашего города хотят читать что-то гораздо более оптимистичное.

Я слушала журналиста и не понимала, почему ему сразу не пришло в голову, что Булатов винил в своей смерти Аристотеля. Стоило ему взглянуть на недописанную, смятую и брошенную мимо мусорного ведра записку Никиного отца, как его посетила мысль насчет моего Ариши.

– Антон, а ты уже разыскал Сашку Заломного?

– Пока нет. Говорят, Коля Рудин с ним поддерживает связь, но Коли сейчас нет в Горовске. Он на днях с курорта вернется... Знаешь, Полина, я все же хотел вернуться к Хазарову.

– Не волнуйся, он не останется безнаказанным. Для начала надо насобирать о Хазарове и, разумеется, об Аристотеле как можно больше информации.

– Хорошо, я этим займусь. А что будешь делать ты? – поинтересовался Ярцев так, будто он выдал мне солидный аванс и считал своим долгом узнать, как я его буду отрабатывать.

– На данном этапе – тоже собирать сведения об этих людях. В этом деле спешить не стоит.

– Тогда я пойду.

– Я тебя провожу.

Когда мы спустились на первый этаж и подошли к двери, я напонила:

– Антон, не забудь мне прислать информацию о Михайлове.

– Могла бы и не повторять, я склерозом пока не страдаю. – Ярцев взялся за ручку входной двери.

Едва я проводила своего одноклассника, как в кармане моих джинсов завибрировал мобильник. Достав его, я увидела на дисплее Аришину фотографию и ответила:

– Алло!

– Так, Полетт, слушай сюда, – негромко, но внушительно произнес дедуля, – я скоро приеду, но не один, а с очень хорошим человеком.

– Ариша, а не поздновато ли для гостей?

– Нормально. Тем более что у тебя завтра день рождения...

– Что? – опешила я.

– Не перебивай, а слушай вводную. Я сказал, что у моей единственной дочери, то есть у тебя, Полетт, есть... физический недостаток, какой именно, я не успел придумать. Так что тебе придется развить эту тему самой. Предупреждаю сразу – глухота не годится, поскольку гость будет играть для тебя на скрипке.

– Играть для меня? Зачем? – Я растерялась. – Ариша, что ты задумал?

– Полетт, нет времени что-либо объяснять. Просто сделай так, как я тебя прошу. Слушай, а может, тебе симитировать горб? – предложил дед. – Да, по-моему, это не плохая идея! А главное – не так уж сложна в исполнении.

– Это отвратительнейшая идея! – возразила я.

– Придумай что-нибудь получше, если сможешь, – Ариша проявил великодушие, не став настаивать на своем, – только не слишком с этим затягивай. Мы приедем примерно через час. Все, я отключаюсь.

Ну, Ариша, удивил так удивил! Что же послужило толчком для такого замысловатого скачка его фантазии? Осознав, что мне этого оперативно не разгадать, я озаботилась вопросом, как же мне себя... изуродовать? Ответ пришел сам собой, когда я взглянула в окно – напротив нас жили мать и сын Ромашкины. Полгода назад Александру Владимировну парализовало, и она стала передвигаться по дому в инвалидном кресле.

Глава 4

Минут через пять я уже звонила к соседям.

– Полина? Какая приятная неожиданность! – Вадим посторонился, впуская меня в дом. – Ты ко мне или к матушке?

– Даже не знаю... Дело в том, что мне нужно инвалидное кресло, – за неимением времени я прыгнула с места в карьер.

Реакция Ромашкина оказалась непредсказуемой.

– Полина, крепись! – Сосед участливо взял меня за руку. – Я знаю, как неожиданно это случается и как меняет жизнь. Проходи, я сейчас напишу, в какую фирму тебе следует обратиться...

– Вадим, ты меня неправильно понял. Кресло нужно срочно.

– Я понимаю, Аристарх Владиленович не сможет долго лежать в постели, он ведь привык к активному образу жизни. Но ты не беспокойся, там всегда есть в наличии большой ассортимент кресел, а главное – можно поменять товар, если вдруг он не подойдет. Например, мою матушку устроило только третье кресло...

– Вадим, а чем она сейчас занимается? – поинтересовалась я.

– Спит.

– То есть Александре Владимировне кресло до утра не понадобится? – уточнила я.

– Трудно сказать... погоди, ты что, пришла к нам за маминым креслом? – наконец-то догадался Ромашкин.

– Именно так, – подтвердила я, испытывая некоторую неловкость.

– Прости, но я боюсь, что оно не подойдет для Аристарха Владиленовича. У них разный рост, разная весовая категория...

– Понимаешь, я прошу кресло не для своего деда.

– А для кого? – спросил Вадим.

Я не знала, как объяснить ему Аришину причуду, поэтому попросила:

– Просто дай мне кресло напрокат на несколько часов, если это, конечно, возможно. Если «нет», то так и скажи. Я не обижусь.

– Нет, – отрезал Ромашкин.

– Ладно, тогда я пойду. – Я уже повернулась к двери, как вдруг услышала в глубине дома женский голос, заставивший меня задержаться.

– Вадим, сынок, разве так можно? Если Полина решила обратиться к нам с такой неординарной просьбой, – голос тети Шуры звучал все ближе и ближе, – значит, на то имеются веские причины. Почему бы нам не пойти ей навстречу? Соседи должны помогать друг другу. Здравствуй, Полиночка!

– Добрый вечер, Александра Владимировна! – кивнула я пожилой женщине, въехавшей в прихожую на инвалидном кресле с автоматическим управлением.

– Мама, так ты все слышала? А я думал, что ты уже спишь.

– Как видишь, нет. – Ромашкина подъехала поближе к сыну. – Вадик, отнеси меня в мою комнату.

– Но, мама, – запротестовал тот, – кресло может тебе понадобится... Ты ведь зачастую не спишь по ночам.

Пожилая женщина сдернула со своих ног плед и подала руку сыну. Вадим не осмелился больше перечить матери, подхватил ее на руки и понес в комнату. Я дождалась, когда он вернется, попросила дать мне краткую инструкцию по эксплуатации кресла, и, пообещав вернуть его не позже завтрашнего утра, выкатила свой трофей на улицу.

* * *

Услышав лязг дверного замка, я нажала на кнопку, расположенную на правом подлокотнике, и поехала в прихожую. Дед на мгновение остолбенел, увидев меня в инвалидном кресле, но быстро совладал с собой. Легким кивком головы он дал мне понять, что я справилась с его заданием на «отлично».

– Это моя дочка Полина, – представил меня Ариша плохо одетому человеку лет шестидесяти – шестидесяти пяти. – А это – величайший музыкант нашего времени Семен Полетаев!

Я запоздало заметила в руках визитера обшарпанный футляр для скрипки, растянула рот в широчайшей улыбке и произнесла дежурную фразу:

– Очень приятно!

– Взаимно, – поклонился скрипач, явно польщенный представлением.

– Семен, ты не тушуйся, – Ариша похлопал по плечу гостя, несмело топчущегося у порога. Он явно не хотел разуваться, но и проходить дальше порога в грязных, сильно поношенных ботинках тоже не решался. – У нас все просто. А главное – здесь любят живую музыку.

– Это так, – подтвердила я и, развернув кресло, направилась к гостиной, выполненной в стиле кантри.

Но дедуле почему-то показалось, что будет уместнее принять Полетаева в гостиной, интерьер которой был выдержан в стиле рококо. Он распахнул двери туда и, сделав широкий жест рукой, торжественно провозгласил:

– Прошу сюда!

Мне пришлось повернуть назад. Я въехала в гостиную и, мысленно ругая деда за его непонятную инициативу, не без труда добралась до окна, около которого и остановилась. Передвигаться в инвалидном кресле было не сложно, но только не по ковру, тем более с таким большим ворсом, как у нас в комнате. Дедуля расположился на небольшом диванчике с гнутыми ножками и захопал в ладоши, приглашая артиста. Полетаев прокашлялся и вошел в залу. В руках у него была скрипка без футляра.

– Полетт, ты знаешь, какую неловкость я испытывал из-за того, что не смог отвезти тебя в областную филармонию на концерт струнного оркестра. Сегодня, в канун твоего дня рождения, я попробую хоть немного реабилитироваться. Семен будет играть для тебя, *ma chère*, – проникновенно произнес Ариша. – Прошу, маэстро!

– Мадемуазель, – обратился ко мне в знак почтения Полетаев, тряхнул своей лохматой головой, приложил инструмент к плечу, театрально взмахнул смычком и стал извлекать из него душераздирающие звуки.

То ли скрипка была сильно расстроена, то ли скрипач, которого дед подобрал где-то на улице и зачем-то притащил к нам в дом, был совершенно никудышным, я сразу же почувствовала себя неуютно, правда, старалась не показывать, что сильно разочарована услышанным. А вот дедуля, кажется, был в полном восторге. Он с таким наслаждением внимал игре уличного музыканта, что я стала всерьез опасаться, а не спятил ли он на старости лет. Но в какой-то момент в игре настал перелом, скрипач разыгрался. Мне было уже неважно, что он стоит в грязных ботинках на начищенном до блеска паркете и под его выдавшим виды пиджаком надета не белая рубашка с бабочкой, а майка, причем далеко не первой свежести. Важна была только музыка, которой он наполнил нашу гостиную. Действительно, именно здесь, в интерьере рококо, должны были звучать Глазунов и Мендельсон, Чайковский и Штраус!

Полетаев играл поистине божественно! Неужели дед просто услышал его игру на улице и решил пригласить этого талантливого музыканта к нам в дом, чтобы и я смогла насладиться шедеврами скрипичной музыки в его исполнении? Вряд ли. В этом случае Ариша не стал бы представлять меня своей дочкой (а не внучкой!), к тому же имеющей серьезный физический

недостаток. Но дед зачем-то соврал, и не только насчет степени нашего родства, моего здоровья, но и насчет моего дня рождения. Я собиралась отмечать его не завтра, а только через несколько месяцев. Этот нищий музыкант наверняка согласился бы приехать сюда и продемонстрировать мне свои таланты без всякого повода за вполне умеренную плату.

– Брависсимо! – выкрикнул дед со своего места, когда музыка стихла. Я ограничилась лишь аплодисментами. Ариша повторил, вставая с диванчика: – Брависсимо! Семен, ты просто бог!

– Вы мне льстите, Аристарх Владиленович, – поклонившись, произнес скрипач, после чего устремил свой взор на меня, ожидая каких-то комментариев.

– Папа прав, вы играли божественно, – подтвердила я. – Я еще никогда не слышала такой оригинальной манеры исполнения. Вам надо выступать на большой сцене. В Горовске такой нет, да и в областном центре, пожалуй, не найти подходящего для вас зала!

– Благодарю вас, – учтиво поклонился мне Полетаев, сделал несколько шагов вперед и тут же вернулся назад, вероятно, осознав, что наступать в грязных ботинках на ковер – это уже верх неприличия. Я рад, что моя игра пришлась вам по душе. Аристарх Владиленович говорил, что вы тоже музицируете...

– Музицировала, – поправила я, – после аварии мне уже не до сцены. Я, конечно, иногда играю для себя и для папы на саксофоне, но не более того.

– Я ненадолго оставлю вас. – Ариша вышел из гостиной.

Полетаев положил скрипку со смычком на комод, присел на пуф, стоящий у дверей, и негромко заговорил:

– Полина, я хочу вам сказать, что ваш отец вас так любит, так любит... Вы для него свет в окошке. Не обижайте его!

Я никак не ожидала услышать от этого маргинала подобные слова, но он почему-то посчитал своим долгом донести их до меня. Неужели Ариша пожаловался на меня первому встречному?

– У нас полное взаимопонимание, – фыркнула я.

– Вот и замечательно! Вот и берегите это чувство! Нет ничего сильнее в мире, чем отцовская любовь. Я знаю, о чем говорю. – Полетаев поднялся с пуфа, взял свой инструмент и, оглянувшись на меня, повторил: – Отец так любит вас, так любит... Однако поздно уже, я пойду...

– погоди, Семен, – Ариша перехватил гостя в прихожей. – Ты доставил нам большую радость, поэтому мы не можем сразу же отпустить тебя. Ты должен отужинать с нами. И никакие отказы не принимаются!

– Ладно, я не против, – скрипач не заставил себя долго уговаривать.

Я встала, направилась к двери и через несколько шагов поняла, что едва не прокололась. Вернувшись назад, я села обратно в кресло и поехала в столовую. Мне было очень интересно, чем же дед собирается угощать нашего гостя. Ужина ведь я не успела приготовить. Будь я на ногах, то могла бы быстренько подсушиться, но прикованность к инвалидному креслу делала меня нерасторопной. Ариша и не ждал от меня приткосты опытной домработницы, поэтому взял всю готовку на себя. Впрочем, «готовка» – это было слишком сильно сказано. Дед начал с того, что поставил в центр стола бутылку коньяка, а затем стал окружать ее закусками. Благо в холодильнике кроме колбасы и сыра нашлись маринованные грибочки и даже оливки, фаршированные красной рыбой.

– Семен, ты не обессудь, у нас праздничный стол завтра планировался, а сегодня это так, прелюдия.

– Ничего, главное – это не еда, а компания, – философствовал скрипач, не сводя глаз с бутылки.

Дед перехватил его взгляд и поспешил наполнить рюмки.

– Ну что, Семен, я предлагаю выпить за твой талант.

Одной рюмки коньяка вполне хватило для того, чтобы у Полетаева развязался язык.

– Аристарх Владиленович, вы счастливый человек, – начал он, – ваша дочь рядом с вами. А моя... моя далеко, хотя живет в Горовске.

– Как это так? – поинтересовался Ариша, снова наполняя рюмки.

– Да вот так, знать она меня не желает. А что, спрашивается, я ей плохого сделал? Ничего! Мы с Ольгой, моей покойной женой, только ради дочери и жили. Одевали ее, как куколку, все капризы исполняли... Хотя о чем это я? Никаких капризов до поры до времени и не было. Таечка росла хорошей, послушной девочкой, музыкальную школу по классу фортепиано окончила с отличием, в консерваторию поступать собиралась. – На глазах рассказчика проступили слезы.

– Семен, тебе надо выпить. – Ариша подвинул к нему рюмку и проследил, чтобы тот вылил в себя ее содержимое. – Вот так, хорошо... Так что же помешало твоей дочери учиться музыке дальше?

– Любовь, – обреченно вздохнул Полетаев, – будь она неладна! Таисия еще в школе училась, когда Аркашку встретила. Мы с Ольгой сразу поняли, что он ей не пара.

– Это почему же? – поинтересовалась я.

– Да потому, что он был старше ее почти на десять лет!

– Разве это так уж криминально? – спросил Ариша.

– Вот-вот, криминально, – тряхнул лохматой головой скрипач. – Наша девочка была еще неискушенной школьницей, а он всю криминалом занимался – «комки», коммерческие ларьки, которых в те годы было пруд пруди, крышевал. Деньги были для него, что вода из-под крана – только подходи и подставляй крынку. Он и подставлял... в одном месте, в другом, в третьем. Аркадий днем дань по нашему району собирал, а вечерами в кабаках кутил. Он и нашу Таю приучил к ресторанам, дорогим шмоткам... А потом его посадили. Мы с Ольгой обрадовались, но рано...

– Рано? – переспросила я, подталкивая нашего гостя к дальнейшим откровениям, ведь он почему-то замкнулся.

– Вам, наверное, все это неинтересно? – спохватился вдруг Полетаев. – У вас завтра такой знаменательный день, а я вываливаю на вас свои семейные проблемы.

– Вываливай! – великодушно разрешил ему Ариша. – Мы с дочкой всегда готовы выслушать хорошего человека и оказать ему посильную помощь.

– Да-да, все так и есть, – подтвердила я, заинтересовавшись рассказом скрипача.

– На чем я остановился? – уточнил Полетаев.

– Вы сказали, что Аркадия посадили, но радоваться было еще рано.

– Вот-вот, – кивнул Семен. – Дочка-то наша успела от него забеременеть. А ведь она тогда еще в школе училась. Мы с Ольгой погоревали-погоревали, да и смирились с этим. Не она первая, не она последняя в таком юном возрасте без мужа рожать собралась. Перевели мы, значит, Таю в вечернюю школу и стали готовиться к рождению внука. Супруга распашонки шила, пинетки вязала, а я стал соглашаться на любую подработку, чтобы заработать на коляску, кроватку и манеж с игрушками для будущего малыша. Таисия родила в положенный срок мальчика, хорошенького такого... Костей его назвали, в честь моего отца. Дочка, правда, другое имя хотела ему дать, иностранное, какого и в святцах-то нет. Но потом она все же одумалась и согласилась, что Константин гораздо лучше звучит, чем Брюс. Да и отчество от него благозвучнее получится.

– Ну, разумеется, – подтвердил дед. – Ладно, я – Владиленович, это уж куда ни шло, но Брюсович, Брюсовна – совсем уж нелепо.

– Константин – красивое имя, – высказалась я.

– Я помню первый самостоятельный шаг своего внука: он оторвался от кровати и пошел мне навстречу, – продолжил свои душевные излияния Семен. – Не скрою от вас, я мечтал, что Костик так же, как и я, будет играть на скрипке, но, увы...

– Неужели у него проблемы со слухом? – по-свойски поинтересовался Ариша.

– Ошибаетесь, Аристарх Владиленович, со слухом у мальчика как раз все было в полном порядке. В два года он говорил мало – так, всего несколько слов... Но при этом слух у него был исключительный. Я как-то захожу в комнату, а внучок сидит на полу и настукивает игрушкой по ножке стола, и не просто так стучит, от баловства, а мелодию отстукивает, ту, которую я на скрипке играл. Вы представить себе не можете, что я испытал в тот момент. – Семен нашел глазами бутылку и замолчал. Дед подметил это и наполнил его рюмку. Выпив ее и закусив оливкой, скрипач продолжил свои откровения: – Мы с Ольгой собирались отдать внука в садик для одаренных детей, но не успели...

– Как не успели? С вашим внуком что-то случилось? – не смогла я удержаться от этих вопросов.

– Случилось, еще как случилось! – подтвердил Полетаев и, как положено артисту, стал выдерживать интригующую паузу. Убедившись, что мы с Аришей уже сгораем от любопытства, он продолжил: – Его отца условно-досрочно освободили, и кончилось наше с Олей спокойствие. Тая забрала сына и ушла с ним к Истомину...

– К Истомину? – переспросила я и заметила в глазах Ариши лукавые искорки, свидетельствующие о том, что он заранее знал о таком повороте событий.

Ну и дедуля! Я, наконец, поняла, зачем он привел к нам уличного скрипача. Оказывается, тот не просто знал горовского вора в законе по кличке Аристотель, но и доводился ему тестем.

– Да, к Аркашке, – подтвердил Семен. – Костику тогда уже три годика было – самое время для развития творческих способностей. Вы можете представить себе, какие таланты мог развить у нашего мальчика отец с криминальным прошлым?

– Так, может, он после отсидки одумался, завязал? – предположил Ариша. – Все-таки жена, сын-наследник – это большой стимул для того, чтобы закон не нарушать больше.

– Мы с Ольгой сначала тоже на это надеялись, но совершенно напрасно. Не прошло и полугода, как Аркадий вернулся в колонию – ограбил кого-то, поэтому к его прежнему сроку добавили новый. Вы думаете, после этого Тая с Костилом обратно к нам вернулись? Нет, они остались жить у родителей Аркадия. Таково было условие этого уголовника, и наша единственная дочь, красавица, умница, его выполнила, – с досадой заметил Полетаев. – Мы с внуком стали видеться только по выходным, а потом нам вообще запретили с ним встречаться.

– Почему?

– Я до сих пор не могу понять этого. Мать Аркадия заявила, что мы с Ольгой дурно влияем на мальчика.

– Да, дела, – сочувственно протянул Ариша. – Я не могу вообразить, что кто-то стал бы запрещать мне видеться с дочкой, с ее детьми...

– Вот именно, что «кто-то», – Семен сделал акцент на местоимении. – Аркашка даже мужем нашей Тае не был. Они ни в загсе не расписывались, ни в церкви не венчались. Только Таисия наша слушалась его всегда и во всем. Равно как и свекровь свою, хотя она, по сути, ей вовсе и не свекровь, а мать сожителя. Так вот, эта женщина запретила нам с Олей появляться на дорожке, ведущей к их дому, а Тае с Костилом – приближаться к нашему. Сердце у моей супружницы не выдержало, и она отошла в мир иной. Остался я один на всем белом свете. Вроде бы дочка и внучок имеются, а вроде и нет их.

– Так что же, вы с ними так и не общаетесь?

– Можно сказать, и так, – подтвердил скрипач. – Последний раз я разговаривал с дочерью три года назад на кладбище. Была как раз годовщина Олиной смерти. Таисия приехала на кладбище на крутой тачке с водителем, положила на могилку охапку чайных роз. Мы стояли с ней

рядом и молчали. Потом я осмелился и спросил Таю, почему она без Костика, а она ответила, что он учится за границей, а где именно, не сказала. Зато дочь упрекнула меня в том, что мне никогда ее Аркадий не нравился, а он, дескать, любит ее и сына, но главное – обеспечивает им такой уровень жизни, какой мне и не снился. Из уст родной дочери это прозвучало как упрек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.